

*К.В. Родченко*

### **НА ПОДСТУПАХ К ИДЕОЛОГИИ ФЕДЕРАЛИЗМА Два опыта осмысления идеологических основ полиэтнического общества в условиях догоняющей модернизации**

В рамках данного обзора рецензированию подвергнуты два издания, вышедших в различных регионах РФ, объединенных, тем не менее, общей проблематикой исследования, а именно изучением особенностей процессов модернизации в условиях комплексного, многонационального посттрадиционалистского общества.

И если Ю.В. Попков в своей монографии *Интернационализация в традиционном и современном обществах* [1] затрагивает проблемы, аффектированные процессами модернизации коренных малочисленных народов Севера, то коллективная монография Нугдаевых Рината Магдиевича и Магдия Алимжановича и Мадиярова Адипа Бареевича *Знание, ценности, идеология в модернизирующемся обществе* [2] рассматривает модернизационные процессы Республики Татарстан. Оба исследования включают региональные особенности в общий контекст проблем модернизации российского общества.

Монография Ю.В. Попкова анализирует проблему на двух уровнях. Наряду с привлечением конкретно-эмпирического материала, описанием международно-правовых, культурных и экономических последствий включения коренных народов Севера в глобальные условия современного мира, автор представляет и общую теоретическую концепцию исторического процесса и связанный с ней терминологический аппарат, без которых, как справедливо полагает Ю.В. Попков, становится невозможной оценка текущих общественных процессов.

Главной характеристикой всемирного исторического процесса — как в прошлом, так и на современной стадии развития глобального общества — Попков считает *интернационализацию* как функцию развития связей между различными этническими общностями и условие развития самой национальной общности. Основной теоретический вывод монографии звучит следующим образом. «Интернационализация, понимаемая как единство объективной и субъективной, внешней и внутренней рефлексии национальных общностей, является социальным феноменом, имманентно присущим всей человеческой истории, составляя не только ее важный момент и характеристику процессуальности, но и существенную детерминанту становления локальных цивилизаций, формирования и развертывания всемирно-историчес-

кого процесса как единства многообразного, как противоречивой и развивающейся системы, каждый элемент которой является условием существования всех других ее элементов» (стр. 172)\*. При этом определяется и субъект интернационализации как конкретный этно-социальный организм, характеризующий общность людей по территории, языку, культуре, сознанию и общей им экономической жизни (стр. 32). Для обозначения этого образования Ю.В. Попков использует термин *национальная общность* (стр. 35) как общеродовой для *нации, народности и племени* (стр. 32), что позволяет говорить об интернационализации как процессе взаимодействия и генезиса субъектов исторического развития не только применительно к буржуазно-национальной стадии развития человечества, но и ко всей (хронологической и территориальной) тотальности его становления. В этом смысле интернационализация выступает как *фактор единства и процессуальности* всемирной истории. Автор настоятельно подчеркивает наличие транснациональных связей у любой, даже самой примитивной, *развивающейся* социальной общности.

Характеризуя отношения между национальными общностями как *взаимодействие*, Ю.В. Попков трактует интернационализацию как происходящее в каждой точке общения между национальными общностями самоопределение и определение другого, обогащение и развитие собственной идентичности. В этой связи автор рассматривает формирование классового общества (возникновение классового общества) и последующие особенности развития мировой экономической структуры вплоть до наших дней не как результат внутреннего раскола национальных общностей, но как следствие межнациональных отношений. «Возникновение экономической основы классового общества, т. е. частной собственности, непосредственно связано с взаимодействием различных общин (племен), главной формой которого в этот период и был межплеменной обмен. В настоящее время вряд ли кто-то из серьезных исследователей будет спорить с тем, что внешний обмен первичен по отношению к внутреннему» (стр. 68).

Итак, исследовательское внимание автора фокусируется на категории *интернационализации* как наиболее адекватном выражении смысла исторического развития национальной общности. Акцентирование этого момента призвано показать новый путь стратегического развития наций помимо нигилистских угроз *глобализации* и стагнации изоляционизма. Национальные общности изначально включены в процесс межнационального взаимодействия и собственное культурно-духовное своеобразие получают как результат «внешней рефлексии» со стороны Другого. Тем не менее, неправильное понятие сущности интернационализации (особенно опасное в период управляемой межнациональной политики) грозит обеднением и даже уничтожением целых пластов духовной человеческой реальности, гибели национальных общностей. Автор выделяет несколько типов межнационального взаимодействия: ассимиляция, интеграция и собственно интернационализация (стр. 52). И если первые два типа представляют собой процесс поглощения национальных общностей, то интернационализация выступает как архетип Духа истории, того всеобщего, что проявляется в разрозненных моментах развития. И хотя это всеобщее не подлежит эмпирической фиксации в качестве конкретного субстрата развития человечества, на это понятие так или иначе указывают теоретические построения всех обобщающих исторических концепций.

Конкретная часть монографии Ю.В. Попкова, в тексте которой порой проскальзывают рудименты диссертационного исследования (напр., стр. 76), посвящена проблемам развития народов крайнего Севера, чью культурно-историческую общность автор даже пытается объединить в общее понятие *циркумполярной цивилизации*. Здесь интерес представляет сравнение двух различных стадий *опосредованного* включения субъектов традиционного общества в глобальные модернизационные процессы в XIX и XX вв. Автор пишет о комплексных взаимодействиях коренных народов Севера с модернизирующимся прокапиталистическим российским обществом XIX в. и социалистическим обществом СССР XX века. Помимо этого им привлекается богатый фактологический материал по развитию ко-

\* Здесь и далее по тексту датируется по [1].

ренных народов Севера Канада. Общий вывод сводится к тому, что вся история малочисленных народов Севера развивается особым, некапиталистическим путем. «Модернизация общественной жизни коренных народов Севера как в развитых капиталистических странах (Север Канады, Аляска, Гренландия, Лапландия), так и в СССР (и современной России) внесла определенные изменения в материально-технические и бытовые условия жизни при сохранении и доминировании ценностей традиционной культуры и социальных отношений некапиталистического типа» (стр. 175). При этом остается неясно, в чем для автора заключается определение модернизации, коль скоро он отделяет ее от процессов развития капиталистического общества.

В определении участия народов Севера в модернизации (российского или канадского общества) Попков использует достаточно общий термин *развития*, подразумевая под ним развитие прежде всего материально-производственной сферы общественной жизни. Отстаивая тезис о следовании некапиталистической модели развития северных народностей, автор пишет о формировании прослойки лидеров Канадских племен, получивших образцовое западное образование и возглавивших борьбу за сохранение самобытной жизни канадских аборигенов. Представляется сомнительным в этой связи, что *техника и знание* сохранили в первозданном виде культурную жизнь народов Севера — модернизация, как это отмечал еще С.Н. Трубецкой, начинается прежде всего с вестернизации сознания.

Складывается впечатление, что автор строит собственную терминологическую модель интерпретации процессов развития межнациональных связей в современном мире, обходя устоявшиеся дихотомии. Тем не менее, выдвигая понятие интернационализации в качестве принципа исторического развития, автор так или иначе формулирует представление о цели, смысле, предназначении этого процесса. Говоря о ценности сохранения культурной самобытности некоторых национальных общностей, он должен показать эту ценность для большинства человечества.

Таким аргументом в пользу ценности национальных меньшинств для общества мировой глобальной экономики подразумевается известный тезис о «единстве многообразного» как принципа сохранения и развития органических образований. Вклад малочисленных народов в общее развитие человечества видится прежде всего в культурном, мировоззренческом аспекте; при этом сама культура понимается как особого рода информация, своеобразный message в глобальном информационном поле, альтернативный *сценарий* развития. «Использование уникальных достижений национальных культур и цивилизаций расширяет адаптивные возможности мирового сообщества и позволяет ему адекватно реагировать на вызовы современности» (стр. 173).

Характеризуя главные особенности данного монографического исследования (имплицитные принципы, привлекаемый терминологический аппарат, цитируемые источники), можно сказать, что в своих теоретических конструктах автор исходит из лучших традиций отечественного диалектического материализма. Несомненной ценностью данного исследования является акцентирование феномена интернационализации как важнейшего аспекта межнационального взаимодействия. Однако использование диалектического аппарата, сквозь которое, как, впрочем, и сквозь тексты отечественного диамата, проглядывает логика Гегеля (e.g. определение интернационализации как единства внутренней и внешней рефлексии)\*, ведет к целому ряду неосознанных импликаций. Использование конструктивных частей системы не может не подразумевать ее целого; использование логики Гегеля не может не затрагивать идеи его историософии, в частности, идеи всемирно-исторических народов. В целом, указывая на важность обобщающей теоретической концепции в исследовании проблем модернизаций, автор оставляет непроясненными некоторые базисные понятия и ценности — что, впрочем, не является недочетом конкретной работы, но скорее соответствует духовной ситуации времени.

\* Ср. цит. из Гегеля стр. (44); признание в следовании некоторым принципам (стр. 58).

К принципиально иной теоретической традиции и иным источникам восходит второе исследование — «Знание, ценности, идеология в модернизирующемся обществе». Данный подход к изучению проблем модернизации российского общества открыто отталкивается от теоретических предпосылок, изложенных в англо-саксонской литературе по данному вопросу; авторы выражают признательность АСПРЯЛ/АКСЕЛС за предоставление возможности стажировки в США (стр. 8)\*.

Книга представляет собой первоклассную трактовку современных теорий модернизации, восходящих к позициям Маркса, Вебера, Дюркгейма и Толкотта Парсонса, а также выдающихся концепций общественной идеологии (Лукача, Грамши, Альтюссера, Адорно, Хабермаса, Фуко, Бурдьё). Применительно к вопросам теории модернизации авторы солидаризируются с концепцией «общества риска» Ульриха Бека; проблемы общественной идеологии анализируются в основном с позиций Quality-of-Life research, с точки зрения деятельностного подхода М. Сирги, Г. Самли, А. Мидоу (стр. 105). Именно понятие *качества жизни*, по мнению авторов, является системообразующим в изучении системы ценностей; оно же должно регулировать государственную идеологическую политику (стр. 99). Помимо этой трактовки, авторы предпринимает попытку формулировки основных принципов идеологической политики Республики Татарстан РТ, исходя из изложенных в книге положений теории идеологии и результатов изучения проблем модернизации, а также на основе эмпирических исследований ценностей и идеологических доминант современного российского населения.

Определенный интерес для непредвзятого читателя, все еще мыслящего в границах представления о РФ как о «маленьком» СССР (или даже Российской Империи), могут вызвать некоторые факты, изложенные в книге, косвенным образом касающиеся вопросов устройства субъектов Федерации. В частности, факт провозглашения *суверенитета* РТ и определение идеи суверенитета в качестве базисной для идеологии Государственной программы экономического и социального прогресса РТ (стр. 38) кардинальным образом модифицирует те представления, в которых до сих пор мыслит большинство.

Оставляя в стороне детальное изложение авторами современных концепций модернизаций и общественной идеологии, на мой взгляд, следует остановиться на прикладной стороне книги, на конкретных идеологических формулировках авторов\*\*.

Необходимость модернизационного пути развития российского общества выступает как главная личная установка исследователей (стр. 7, стр. 53, стр. 110). С этих позиций ведется оценка существующих ценностных предпочтений населения; на современные стандарты западных идей, ценностей и социальных институтов предполагается ориентировать государственную политику в сфере общественной идеологии. При этом сложностью современного этапа модернизации России (по сравнению с петровским и большевистскими преобразованиями) является ориентация на процессы *постиндустриального* общества, на т. н. рефлексивную модернизацию.

Эффективность модернизации российского общества зависит от правильной, жизненной общественной идеологии, собственно, и формирующей *гражданское общество* как основу реформирования. Такой идеологией, объединяющей разнородное (культурно и этнически) российское общество, авторы называют *идеологию межнационального согласия* (стр. 98), идентифицируя ее как вид *неоконсервативной* идеологии (стр. 110). При

\* Здесь и далее по тексту цитируется по [2].

\*\* На мой взгляд, представляется несколько преувеличенной заявленная авторами *новизна* отстаиваемой дилеммы *общественной и политической* (классовой) идеологии, а также подчеркивание *знакового* характера идеологии, важность *нормативной* и *идентичностной* функций идеологии (ср.: стр. 4, стр. 143). Подобный подход не является новым для отечественной практики исследования, особенно после предпринятых в 1990-е гг. массовых изданий переводов работ Р. Барта, Бодрийера, Фуко, Лакана, Хабермаса, Жижека, Маркузе, Адорно и др. Да и реферативные сборники ИНИОН, на которые ссылаются авторы, представляют несколько иной массив текстов, нежели ортодоксальная «Немецкая идеология».

этом как межнациональное согласие, так и сама модернизация служат основной цели — повышению качества жизни населения. Повышение качества жизни является базисной ценностью государственной политики: авторы целиком разделяют сформулированную еще О. Контом позицию позитивизма о том, что «необходимое назначение всего нашего существования — непрерывное улучшение нашего состояния». Однако — здесь авторы приводят богатый материал исследований качества жизни в англо-американской литературе (тяготеющей, впрочем, к «лестнице потребностей» Маслоу) — понятие «качества жизни» не поддается сугубо объективному исчислению, но включает субъективную сторону: то, как *оцениваются* конкретные параметры жизни самим субъектом, населением в целом. Одни и те же социометрические показатели оцениваются по-разному в зависимости от сложившейся системы ценностей и идеалов населения. Приводимые авторами результаты эмпирических исследований ценностей населения РТ демонстрируют превалирование *традиционных* (советских?) ценностных ориентаций. Вместо либеральных «богатство», «удачная карьера», «личная свобода», «индивидуализм» преобладающими у жителей РТ оказались «интернационализм», «патриотизм», «коллективизм»\*. Данные заказы дали авторам возможность говорить о неоконсервативной идеологии, позволяющей сочетать традиционные ценностные предпочтения с «мягкой» корректировкой общественного сознания в сторону общества постмодерна. В этих взглядах авторы тяготеют к японской модели модернизации, рассматриваемой как стандарт для российской реформы (стр. 16).

Складывается парадоксальная ситуация, в которой отдают себе отчет и авторы исследования — с одной стороны, подавляющая часть населения не разделяет ценностей модернизации, с другой стороны — сами «верхи», т. е. элита также не склонна руководствоваться ценностями либерально-демократического общества (стр. 112–113). Возникает ряд вопросов — кому нужна модернизация российского общества (понимаемая авторами как имплантация западных ценностей, институтов и образа жизни) и кто ее проводит, если ни «низь», ни «верхи» этого не хотят? В чем заключается оправдание и обоснование проектируемой авторами «государственной идеологической политики, т. е. мер, предпринимаемых административными структурами для воздействия на общественное сознание» (стр. 115), и кто выступает инициатором подобных действий государственной власти (революционный класс, группа ученых и т. п.)?

Обычно выбор пути модернизации, как на это указывают и сами авторы рецензируемой монографии (стр. 33), исторически связан с потребностями военной техники и реальной угрозой суверенитету государства. Так было в случае и с Японией, и с Россией. Именно проблематика *суверенитета* конкретно-исторической общности выступает на первый план в определении отношений государства и мирового сообщества, что и составляет суть процессов модернизации. Проблема суверенитета (высшей полноты законодательной и исполнительной власти, в т. ч. решения о принятии или отмене Конституции), являясь *предельным понятием* системы юридических понятий [3, с. 16–17], в новом свете представляет отношения технологического лидерства одних стран в эпоху информационного общества. В этой связи отнюдь не индифферентными элементами представляются пресловутые «западные стандарты жизни» и «технологические инновации» — в эпоху, когда объектом воздействия становится само понятие научной *истинности* [4, с. 10], не следует naивно относиться к любому рода информации. Ведь даже если операционная система MS Windows может восприниматься как угроза национальному суверенитету [5], что уж говорить о социальных практиках и моделях поведения, которые несет в себе модернизация?

Проблема суверенитета государства (в т. ч. и полиэтничного) в современной мировой системе лежит в основе и общественной идеологии, и модернизационных парадигм — как известно, не существует двух лидеров одновременно и каждому государству приходится определять себя в соответствии с тем местом, которое оно занимает в иерархии стран. Это понимают и авторы монографии. По их оценкам, главным стержнем национальной идеоло-

\* Стр. 134–38. Данные 2000 г.

гии (или все же *идеологической политики*?) «является идея опережающего (а не догоняющего) развития» (стр. 113). Однако в свете этой идеи весьма невразумительно выглядит формулировка идеологии межэтнического консенсуса как основы идеологии российского общества в целом и РТ в частности\*.

Попытки формулирования современной системы ценностей и идеологии в свете понятия суверенитета конкретно-исторической общности не могут не затрагивать религиозную специфику. Следует внимательно отнестись к религиозному аспекту модернизируемого общества — особенно памятуя первоначальный генезис «духа капитализма». Авторы рецензируемой монографии признают значимость религиозных ценностей и ставят их в центр идеологической системы. При этом авторы делают интересный вывод о возможности синтеза ценностей православия и ислама и даже о генетической близости обеих религий (стр. 133). В целом, по мнению авторов, возрождение современной религиозности носит не традиционистский, а рефлексированный, реконструируемый характер (стр. 35) — факт, на мой взгляд, достойный дополнительного анализа в рамках идеологического исследования.

В целом, обе части монографии — теоретическая и эмпирическая — представляют большой интерес в деле формулировки современной модели идеологического развития. Большую значимость имеют представленные результаты эмпирических исследований ценностных ориентации, чему в постсоветском пространстве вплоть до исследований под руководством И. Дубова [6] практически не занимались. Определенный интерес представляет и изложение авторами рекомендаций к формулировке принципов государственной идеологической политики (стр. 139–140). Здесь, впрочем, встречается немного странный таксономический образец, вызывающий некоторое недоумение в пункте о необходимости целенаправленного привлечения к участию в местных выборах и деятельности в местных органах местного самоуправления власти мужчин, молодежи, русских» (стр. 140). Складывается впечатление, что не все однозначно в национальной политике руководства РТ.

Обе рецензируемые монографии, поднимая существенные проблемы современной идеологической ситуации в российском обществе, на мой взгляд, верно подсказывают элементы общегосударственной политики (и гражданской инициативы) в этой сфере. Момент интернационализации внутригосударственного общепития, способность к диалогу и творческому взаимодействию с другими культурами и общие религиозные ценности — все это должно лежать в основе общественной идеологии и государственной идеологической политики. Помимо естественного становления в качестве духовных и культурных ценностей в границах общественного сознания, данное направление идеологической работы должно стать неременной составляющей государственной политики по поддержанию суверенитета Российской Федерации.

#### Литература

1. Попков Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск: НИИ дискретной математики и информатики, 2000. — 199 с.
2. Нугаев Р.М., Нугаев М.А., Мадияров А.Б. Знание, ценности, идеология в модернизирующемся обществе. Казань: Дом печати, 2002. — 159 с.
3. Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
4. Вирилио П. Информационная бомба. М.: ИГДК «Гнозис», 2002.
5. <http://www.cnews.ru/newcom/index.shtml>
6. Ментальность россиян / Под ред. И.Г. Дубова М., 1997.

\* «... идеология межэтнического согласия должна состоять прежде всего в создании таких социокультурных, социально-политических и социально-экономических условий, которые препятствовали бы не выработке и совершенствованию этнических ценностей, а использованию их (равно как и других ценностей) в качестве инструментов доминирования одного этноса над другим, одной религиозной конфессии над всеми прочими, одной социальной группы над другим» (стр. 98–99).